

НКВД
ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

С Е Р Г Е Й
З В Е Р Е В

**МОГИЛА
ДЛЯ
БАНДЕРОВЦА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Klagyivik Viktor, Michael Mihin, Kozlik, Trent Haskell,
Takashi Images / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   Могила для бандеровца / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (НКВД про-
тив врагов Родины).

ISBN 978-5-04-089576-2

Послевоенную Украину терзают банды националистов. В одном из районов Львовской области они собираются взорвать дамбу и затопить местный химический завод. Заложить взрывчатку планируется через угольную шахту, но ее главный инженер отказывается раскрывать бандитам схему коммуникаций. Озлобленные бандеровцы похищают его дочь. К поискам девушки подключается капитан госбезопасности Василий Ивлиев, направленный в район для борьбы с оуновцами. Используя легенду, он входит в доверие к главарю банды и узнает детали предстоящей акции. Еще немного, и диверсия будет предотвращена. Но вдруг в планы капитана вмешивается отчаянный поступок обезумевшего от горя инженера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С. И., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-089576-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

Страшная черная беда, навалившаяся на страну в далеком 1941 году, ушла. Теперь уже далеком — потому что за эти четыре тяжелейших года каждый советский человек прожил еще одну жизнь и в судьбе каждого появились понятия «до войны» и «после». Невыносимыми страданиями, горем, коснувшимся каждой семьи в стране, прошла война по городам и селам. Прошла и схлынула, оставив сожженные города, братские могилы солдат, изуродованную, как шрамами, окопами и воронками землю. И еще больше шрамов война оставила в душе каждого человека, пережившего ее.

Но как удивительно, ведь прошло чуть больше года, как были освобождены Красной армией области на западе Украины, а здесь уже снова цвели майские сады, заиграли патефоны в открытых окнах домов за тюлевыми занавесочками. Опять по вечерам на улицах стали появляться стайками девушки с нарядными косынками на плечах, запели на лавочках у калиток домов песни. А в городских парках по воскресеньям, как и до

войны, стали играть духовые оркестры, закружились карусели, заработали кинотеатры и танцплощадки.

В оживших, облегченно вздохнувших городах и поселках уже восстанавливались и запускались заводы, начинали работать шахты, выезжали в поля трактора. И немногие знали, что с окончанием войны ее тень еще не покинула Западную Украину, еще шепчутся ночами по углам да за плотно занавешенными окнами люди, которые по-прежнему жаждут крови и смерти. Люди, которым ненавистно все советское, все русское. С разгромленными армиями вермахта не ушли недобитки и предатели, готовые поклониться в ноги любому подонку и мерзавцу, лишь бы он помог им добраться до власти, оторвать от большой и сильной страны Украину.

И опять по ночам гремят выстрелы, убивают, режут и жгут. И так же, как раньше, плачут матери, жены и дети по погибшим, зверски замученным. Выходят из лесов люди с немецкими автоматами и в немецких френчах, с ненавистью в глазах и чернотой в сердце. И бьют подло исподтишка в спину. Убивают одиноких военнослужащих, участковых милиционеров, партийных и советских активистов. Жгут склады и советские учреждения, пытаются посеять страх в сердцах людей, вынесших на своих плечах страшную войну.

Ночь была лунная и тихая. Ни шелеста ли-

стьев, ни крика птиц. Только неугомонные сверчки пели свои нескончаемые песни, баюкая травинки. На опушке березовой рощи неподалеку от села Иванци появились трое вооруженных людей. Один, крепкий молодой мужчина в пиджаке, под которым угадывался засунутый под ремень пистолет, пожеывая травинку, посмотрел по сторонам, потом махнул своим спутникам, чтобы следовали за ним. Другие двое были вооружены немецкими автоматами, хотя и одеты в гражданскую одежду: на парне — вельветовая куртка, а бородатый мужик был в безрукавке. У обоих на головах мягкие немецкие форменные фуражки с жестяными трезубцами вместо кокарды.

Перейдя дорогу, краем леса вооруженные люди пошли к спящему селу. Собаки не лаяли, потому что не было собак — всех за войну перестреляли немцы, а другие так и не прижились. Почти во всех хатах было темно. Только в двух или трех еле мерцал огонек. То ли мать дитя баюкала, то ли из стариков кому не спалось. Возле невзрачной хаты с покосившимся забором на ступенях крыльца сидел старик с седой головой, куривший трубку. Когда молодой мужчина, по-хозяйски отворив калитку, вошел во двор, он поднялся со ступеней, поправил накиннутый на плечи старый вытертый кожух и сказал:

— Припозднился ты что-то, — затем внимательно посмотрел вдоль улицы в одну сторону,

потом в другую. — Я уж подумал, не случилось ли чего.

— Что может случиться, Порфирий, — заносчиво ответил мужчина, подходя и пожимая ему руку. — Я в этих местах хозяин, мне бояться нечего.

— Хозяева по ночам не ходят, — проворчал Порфирий, отступая в сторону и пропуская гостя в хату.

— Ты что? — вдруг рассвирепел мужчина, схватив старика за ворот рубахи. — Ополоумел? Временно это, таиться надо, пока мы силу не взяли. А потом посмотрим еще, кто тут хозяин и какая здесь власть будет!

— Ну-ну, будет тебе, — спокойно ответил старик, выдирая рубаху из кулака гостя. — Ты бы в дом вошел, Вадим. Чего на улице-то?

Молчаливая старуха быстро выставила на стол дымящуюся картошку, порезанное дольками сало, квашеную капусту, домашний хлеб. Гость, войдя в хату, первым делом припал к крынке с холодным молоком. Выпив почти половину, вытер ладонью губы и произнес:

— Вот чего в лесу точно не хватает, так это холодного молока. Наливай, Порфирий, выпьем за наших героев, что воюют с коммунистами и как звери живут в лесу.

После первой стопочки почти сразу налили вторую. Гость накинулся на еду, а старуха собра-

ла в рушник немного картошки с салом и вышла передать двум другим, оставшимся сторожить на улице. У хозяина развязался язык, и он принялся вспоминать добрые панские годы, когда у него было два десятка работников, десятки голов скота и каменный дом. Гость ел жадно и ухмылялся. Потом вдруг отстранился, полез за папиросами.

— Ты не причитай, Порфирий, — прервал он старика, — лучше расскажи, что нового в селе.

— Да что у нас может быть нового, Вадим? У кого хозяйство, тот урожая ждет, скот пасет. Травы в этом году обещают быть богатыми.

— Ты все о хозяйстве, — криво усмехнулся гость. — А как у тебя тут коммунисты и их прислужники поживают?

— Ты, это, Вадим, — насторожился старик, — не думай даже. Ты уйдешь, а с меня потом спросят. У кого Коломиец харчи берет, кто его горилкой и салом потчевал? Старый Порфирий Бочар!

— Кто тебя тронет? — захохотал Вадим. — Тут на десятки верст ни одного милиционера, ни одного энкавэдэшника не сыщешь. Боятся они в эти места заезжать. И спрашивать с тебя побоятся. Вдруг я к ним следующей ночью наведаюсь да кишки по всему тыну размотаю, чтобы другим видно было красное нутро!

— Тише, Вадим, тише! Слышал я, что в Котляр аж три машины с автоматчиками приехали. Или после того случая, когда убили чекиста ихне-

го с любовницей, или по другому делу, не знаю. Да только беспокойно у нас тут. Ты бы осторожнее ходил-то по ночам. Сначала бы прислал кого, чтобы разведали, нет ли тут военных, а уж потом и сам приходи.

— Еще какие новости? — перебил старика Коломиец.

— К Наумову, соседу моему, сын приехал. Говорит, из самого Львова. Учитель он у него там или еще кто-то.

— Зачем приехал? — нахмурился гость.

— Вроде бы погостить.

— А ну, пошли!

Старик только покачал головой, когда бандеровцы направились по улице к хате Наумовых. Шли осторожно, оглядываясь, прижимаясь к плетеным тынам.

У старика Иосифа уже спали. Внучка Оксана лет десяти, лишившаяся родителей за войну, да сын Глеб, приехавший навестить отца из областного центра. Вечеряли долго, много говорили. Глеб рассказывал, как сейчас в городе, как советская власть поднимает жизнь послевоенную, как отстраиваются дома, заводы. Как возвращаются фронтовики и засучивают рукава. Рассказывал Глеб и о преступлениях националистов из бандеровского подполья. Убивают в спину, взрывают, вредят. Много от них еще беды, но, говорят, из Москвы пришел приказ не шадить, искоренять

каленным железом. И скоро все силы будут брошены на борьбу с фашистскими прихвостнями.

В дверь неожиданно постучали. Стук был властный, грубый, и у старого Иосифа внутри все сжалось от страха. Не за себя он боялся, за сына да за внучку. Ведь никакой помощи ждать не придется, если пришли эти «лесные звери». Спустив ослабевшие ноги с кровати, он накинул на плечи старую кофту и пошлепал к двери. Чувствовал, что Глеб и Оксанка проснулись и смотрят ему в спину.

— Кого там носит ночью-то? — спросил он через дверь.

— А ну, открывай! — рявкнули снаружи мужские голоса, и дверь сотрясли сильные удары, от которых закачалась лампадка под иконами.

К Иосифу подошел сын в исподнем, накинув на плечи только пиджак, и, отодвинув отца в сторону, откинул крючок. Дверь рывком распахнулась, и на пороге появились трое вооруженных людей. Один, с закатанными по локоть рукавами рубахи, достал из кармана спички и зажег свечу на столе. Глеб с отцом стояли посреди горницы и ждали. А когда загорелся свет, старый Иосиф узнал наконец ночных гостей и прошептал:

— А, Вадим Коломиец.

— Узнал? Хорошо, — кивнул Коломиец, усаживаясь на лавку. — В доме еще кто есть?

— Да кому ж быть, один я живу с внучкой. Дите она совсем, ее родителей немцы побили. Сирота она.

— Погоди, отец, — прервал Иосифа Глеб. — Не о том ты говоришь. Это гости ночные должны бы сказать, по какому праву они вламываются в дома по ночам. Или хотя бы объяснить, что их привело в такой час.

Повинуясь кивку главаря, бородатый бандит с разворота впечатал Глебу кулак в бок. А когда молодой человек согнулся от боли, подставил колено и нанес сильный удар сверху кулаком по голове. Глеб вскрикнул, захлебнувшись болью и кровью. Он упал на пол, пачкая выскобленные половицы и чистые половики кровью из разбитого рта и носа. Подошедший второй бандит ударил его носком сапога в живот.

— Что ж вы делаете! — вскрикнул слабым голосом старик и кинулся к сыну, но его тут же отбросили в сторону, как цыпленка.

В постели закричала и заплакала девочка. Старик, закрывая внучке глаза, морщился от каждого удара, который наносили его сыну ночные гости.

— Только бы не убили, — шептал он себе под нос, — только бы не убили.

Наконец Коломиец махнул рукой, чтобы учителя бить перестали. Он поднялся с лавки и, подойдя к Глебу, распластавшемуся в окровавленной нательной рубаше и харкающему кровью, наступил каблуком сапога на его пальцы:

— Запомни, ты, коммунистический выкормыш! И другим передай. Если кто сюда к нам су-

нется со своими бреднями про советскую власть, мы всех красных москалей и жидов будем на воротах их домов вешать. Все огнем займется, чтобы и дух ваш отсюда вытравить. Запомни, учитель!

Было еще темно, когда трое вооруженных людей снова вышли из села к опушке леса. Но теперь оба помощника Коломийца несли по небольшому узлу с продуктами.

— А я не понял, Вадим, — заговорил бородатый. — А чего ж мы Глеба Наумова не вбили? Надо было его вверх гузном на своих же воротах...

— Дурак ты, Савчук! — бросил Коломиец. — От мертвого проку нам мало. А вот когда его рожу избитую увидят, когда его в больницу привезут, тогда все в округе будут знать, кто это сделал и каково было предупреждение. Он вернется во Львов, там расскажет, и многие побоятся ехать из города в наши места. А мы пока здесь по лесам и хуторам силу скопим. И когда из-за границы сигнал придет, поднимемся все как один. Тогда мы и во Львов придем, и в Киев. А пока они должны бояться. Страх в них надо вселять, побольше страха.

Наутро все Иванци знали о том, что ночью бандеровцы избili до полусмерти школьного учителя, приехавшего из Львова навестить старого отца. Знали все, но не все осуждали. И шептались больше во дворах да собираясь возле тынов, прикрывая руками рты и поглядывая по сторонам.

Кто-то посмеивался и сплевывал под ноги, кто-то качал с осуждением головой.

— Что ж дальше нам ждть? — говорили старики, покуривая трубки. — Снова, что ли, по ночам из домов по овинам и хуторам прятаться? Помните, как в прошлом году Аксютичей в Клевевке убивали? Ивана и его сына Сергея? Степенный человек был Иван, никого не осуждал, в раздоры не встречал. И с соседями в мире жил. А вся его вина была в том, что он не высказывался за Степана Бандеру. Пришли вот так же ночью, с племянником его пришли. И распилили живого пилой. А Сергея застрелили прямо на пороге хаты.

Старик Иосиф уложил сына на кровать, старинными народными средствами начал лечить. Кто-то из сердобольных баб принес меда, трав лечебных. Из открытого окна было слышно, как во дворе тетка Ефросинья рассказывала соседке Агафье:

— Я тогда в Дошно поехала к родственникам батьки моего. Захворали у них детки, уход нужен был, а я всякие средства знаю. Вот и поехала. А уж когда дым да крики услышала, то все побросала и побежала прямо посередине улицы. До сих пор, как вспомню, сердце заходится. Мои дяди, Флориан и Петр Рубановские, и братик мой двоюродный Казимир лежали на полу лицом вниз, заколотые штыками. А во дворе под яблоней лежали

мертвые тетя Геня с детьми. У нее и ее сына были топором головы разрублены. А другая тетка, Сабина, была совершенно голая. У нее была разрублена голова, а у грудей лежали два восьмимесячных близнеца... Страшно вспоминать!

— Да что говорить, я вон прошлым летом в Осьмиговичах была. Сама все видела, страху натерпелась. Во время службы в церкви напали бандеровцы, поубивали молящихся. А потом по селу пошли. Маленьких детей побросали в колодец, а тех, кто побольше, закрыли в подвале и завалили его. Один, помню, грудного ребенка за ножки взял, да и ударил его головой о стену. Мать этого ребенка закричала, а ее тут же и пробили штыком. Так-то.

Белобрысого водителя полуторки звали Сашко. Высунув локоть через опущенное стекло двери, он небрежно рулил одной рукой и, посмеиваясь, рассказывал байки про их сельского священника. Врать Сашко был горазд, но врал он красиво и весело. Василий Ивлиев сидел рядом с ним в кабине и слушал байки вполуха, одновременно думая о том, что снова придется привыкать к мирной жизни. Хотя война и закончилась и отгремел победный май на разбитых ступенях Рейхстага, но отвыкнуть, заставить себя поверить, расслабиться Василий так и не смог. Наверное, слишком глубоко въелось в самое нутро человеческое все, что